УДК 37.01:94 (47)

Ф.Л.СЕВАСТЬЯНОВ
Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ПРИ НИКОЛАЕ I: К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ОЦЕНОЧНОГО КРИТЕРИЯ

Статья посвящена вопросу о критериях оценки исторического опыта развития отечественной системы образования при Николае I. Обращается внимание на то, что в историографии к настоящему моменту существует набор расхожих штампованных обвинений в адрес николаевской политики в области образования и отсутствует критерий для оценки развития этой системы. Утверждается, что в качестве такого объективного критерия могут быть избраны только количественные характеристики (рост числа учебных заведений и количества обучаемых), а также эффективность системы образования в целом. Последняя может быть определена только исходя из того, насколько выпускники учебных заведений николаевской России способствовали развитию профильных для них отраслей экономики или государственного управления. Подчеркивается, что данный показатель исследован лишь для военного образования и военного дела. Отстаивается необходимость проведения подобных исследований для технического и юридического образования. Содержится указание на первоначальный опыт проведения таких исследований на кафедре истории и политологии Санкт-Петербургского горного института.

The paper deals with different points of view on the Russian educational system under Nicholas I. Attention is drawn to the fact that there is a number of catchpenny phrases about Nicholas I educational system policy and there is no criterion to assess the development of this system. It is argued that only quantitative characteristics (the growth of a number of educational establishments and a number of learners) and the efficiency of the system as a whole can be such a criterion. The efficiency of the system can be defined only by the extent of the higher mining schools graduates contribution to the development of the branches of industry in which they were majored and the state administration at that time. This has been done in military education and soldiery. The author insists on applying this criterion to technical and legal education as well. The first experience of such an analysis at the Department of History and Political Science of Saint Petersburg State Mining Institute (Technical University) is mentioned.

В отечественной историографии традиционно николаевская эпоха представляется как время в высшей степени губительное для развития системы образования (для ее обозначения обычно используют аутентичные исследуемому периоду термины «просвещение», «народное просвещение»). Такая оценка отражена, пожалуй, во всех отечественных учебниках: от первых советских до изданных уже в постсоветское время. Так, в изданном в 1949 г. под редакцией М.В.Нечкиной втором томе университетского учебника «Истории СССР» (том посвящен событиям XIX в.) прямо говорится, что при Николае I «по отношению к школе правительство заняло откровенную феодально-сословную позицию» [4, с.156]. Негативный пафос такой оценки только усиливался последующими авторами. Впервые вышедший еще в советское время, но считающийся и по сию пору классическим, регулярно переиздающийся учебник по истории России с древнейших времен до 1861 г. под редакцией Н.И.Павленко поучает, что «реакционная политика Николая I больше всего проявилась в области просвещения и печати» [2, с.475]. Ему вторит созданное уже в 90-е гг. XX в. учебное пособие для абитуриентов (считается одним из лучших в своем роде) под редакцией М.Н.Зуева:

«В николаевскую эпоху просвещение и культура испытывали особенное давление» [3, с.256].

В целом же обвинения, брошенные историками николаевской системе образования, можно свести к трем фактам: во-первых, введение в учебный процесс схоластических начал (главным выражением этой тенденции считается преподавание древних языков: латыни и древнегреческого); во-вторых, следование принципу сословности; и, в-третьих, разрушение образовательной вертикали, сложившейся в ходе реализации учебной реформы Александра I. Характерно, что ответы на эти обвинения содержатся уже в самом николаевском официозе, который дореволюционные либеральные и сменившие их советские историки никогда не любили цитировать. В целом, в официальных документах николаевского царствования презентована внятная, внутренне непротиворечивая система взглядов на образование: его роль в обществе и государстве, основные задачи и принципы организации системы.

Как известно, в царствование Николая I сложилась официальная идеология российского самодержавия, основные принципы которой были выражены в известной триаде «православие – самодержавие – народность». И потому, в самом деле, странно было бы требовать от николаевского правительства, чтобы оно развивало систему образования на принципах, отличных от заявленных в главном идеологическом лозунге. Во всех николаевских актах, в той или иной степени затрагивавших вопросы образования, недвусмысленно говорится, что цель системы образования – воспитать добрых христиан, верных подданных и полезных членов общества. Так, в «Инструкции инспектору студентов Московского императорского университета» 1834 г. говорилось о «цели правительства в образовании их [студентов] истинными сынами церкви, верными служителями престолу и полезными отечеству гражданами» [8, т.9, отд.2, № 7472]. Как видим, целеполагание осуществлялось в соответствии с официальной идеологической установкой.

Однако на деле первые две цели воспринимались как сами собой разумеющиеся. Третья – подготовка полезных членов общества – на деле определяла николаевскую политику в сфере образования. Если во времена «дней александровых прекрасного начала» правительство исходило из известной просвещенческой утопии, постулировавшей пользу обществу от просвещения, то в 1820-е гг. утверждается понимание необходимости и полезности именно практических знаний. Более того, современные исследователи усматривают в николаевское царствование «стойкую тенденцию к превращению образовательного ценза в фактор, начинавший воздействовать в целом на формирование правящего отбора империи» [10, с.9]. При этом важно отметить, что николаевское правительство особенно опасалось, так сказать, полузнания и «полузнаек» – людей, уверенных в своей образованности, а на самом деле лишь нахватавшихся разного рода идей и мыслей, как принято говорить, по верхам. Ведь именно так в знаменитой «Записке о тайных обществах» была представлена подоплека будущего декабристского движения: «Слабый умственный желудок их [будущих декабристов], – писал в "Записке" А.Х.Бенкендорф, – не имея предварительных оснований в вспомогательных науках, не сваривал сочинений лучших писателей, от чего и все их просвещение было мишурное» [11, с.215]. Сходным образом оценивались причины декабристского выступления и постфактум. Манифест 13 июля 1826 г., возвестивший о приведении в исполнение приговора над декабристами, приписывал их карбонарские наклонности «не просвещению, но праздности ума», а также «пагубной роскоши полупознаний» [8, т.1, № 464].

Конечно, в направлении борьбы с «полупознаниями» николаевские деятели частенько совершали шаги, вызывающие у нашего современника ироническую улыбку. Так, настойчивое введение в учебный гимназический курс древних языков мотивировалась тем, что латынь стимулирует «самостоятельную, так сказать, первообразность и возбуждение к труду, без коего в ней даже

и поверхностных успехов ожидать не можно» [6, с.101]. Сюда же можно добавить и знаменитое высказывание одного из николаевских министров народного просвещения П.А.Ширинского-Шихматова, заявившего будто бы, что «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [5, с.191].

Но с этим высказыванием хорошо сопоставляются слова высочайшего рескрипта, данного другому министру просвещения – А.С.Шишкову: «…необходимо, чтобы повсюду предметы учения… были, по возможности, соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся» [8, т.2, № 1308]. То есть, главное – польза преподаваемых предметов для последующей практической деятельности выпускников учебных заведений всех уровней. А число этих заведений в николаевское время заметно выросло.

Так, только в Санкт-Петербурге за время николаевского царствования были открыты: в 1828 г. – Практический технологический институт (с 1896 г. – технологический), в 1832 г. – Училище гражданских инженеров (с 1842 г. – Строительное училище), в 1835 г. – Училище правоведения [9]. Институт инженеров путей сообщения и Горный институт получили новые уставы: были реформированы. Был реформирован и Царскосельский лицей, переведенный непосредственно в столицу и переименованный по этому случаю в Александровский. В тот же период в Москве было открыто Высшее техническое училище. Численность кадетских корпусов возросла практически вдвое: было учреждено десять новых корпусов (к началу николаевского царствования всех военно-учебных заведений было тринадцать), причем все – в провинции, что существенно: для провинциального дворянства зачастую было слишком дорого устраивать своих детей в столичные корпуса [7, с.36]. Численность университетов хотя и не возросла, но правительство приложило усилия к ее сохранению: после упразднения Виленского университета (1831) в Киеве был открыт Университет св.Владимира. В целом же за время николаевского царствования число учащихся в учебных заведениях всех уровней и видов возросло с 245 до 450 тыс. т.е. если в 30-е гг. XIX столетия один учащийся приходился на 208 подданных Российской империи, то к 1856 г. – уже на 143! [2, с.538-539].

В свете всего изложенного вопрос о критерии, избираемом исследователем для оценки результатов политики, проводимой в сфере образования Николаем I, представляется правильным решить следующим образом.

Очевидно, что современная историография преимущественно по инерции пользуется в качестве такого критерия субъективными представлениями исследователя о прогрессе (понимая под ним, прежде всего, либерализацию общественных отношений, ускорение процесса трансформации традиционного общества в индустриальное). Думается, таким образом сразу нарушаются принципы историзма и системности, традиционно считающиеся методологическим фундаментом исторического исследования. А какой же критерий должен быть избран, исходя из этих принципов? Очевидно, оценивать развитие николаевского образования было бы логично с точки зрения, во-первых, роста числа учебных заведений и количества обучающихся, и, во-вторых, эффективности действовавших заведений (под эффективностью должно пониматься процветание той или иной отрасли хозяйства или государственного управления в связи с деятельностью выпускников профильных учебных заведений).

Если с точки зрения первого показателя, как было показано выше, картина совершенно ясна, то эффективность николаевской системы образования практически не исследована. Единственным бесспорно доказанным является вывод о падении среднего уровня подготовки офицерских кадров к концу николаевского царствования [1]. Но это явление стало не столько следствием ситуации, сложившейся в военно-учебных заведениях в результате последовательного и незыблемого проведения в жизнь принципа сословности, сколько итогом того, что при формировании офицерского корпуса

армии этого принципа придерживались недостаточно жестко.

Таким образом, только на основе проведения исследований эффективности николаевской системы образования возможна выработка подлинно научной оценки политики Николая I в сфере народного просвещения. Заметим, что на кафедре истории и политологии Санкт-Петербургского горного института группой преподавателей и сотрудников (в которую входит и автор настоящей статьи) под руководством заведующего кафедрой профессора В.Г.Афанасьева в течение нескольких лет проводится исследование истории развития технического образования горного профиля в дореволюционной России. В случае придания в будущем этим исследованиям указанного выше направления возможно впервые в исторической науке получение данных о степени эффективности технического образования при Николае I.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бескровный Л.Г.* Военное образование в России в XIX веке. М., 1970.

2. История России с древнейших времен до 1861 года: Учеб. для вузов / Под ред. Н.И.Павленко. М., 1998.

3. История России с древнейших времен до наших дней: Пособие для поступающих в вузы / Под ред. М.Н.Зуева. М., 1996.

4. История СССР. Т.2. Россия в XIX веке / Под ред. проф. М.В.Нечкиной. М., 1949.

5. *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М., 1993.

6. *Лалаев М.С.* Император Николай I, зиждитель русской школы: Исторический очерк. СПб, 1896.

7. *Лалаев М.С.* Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. СПб, 1880. Ч.2.

8. ПСЗ. Собрание 2-е. Т.1-2, 9, отд.2. СПб, 1827-1828, 1834.

9. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник. М., 1992.

10. *Шевченко М.М.* Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге освободительных реформ. М., 2003.

11. *Шильдер Н.К.* Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб, 1904. Т.4.